

Буэнос-Айрес / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Буэнос-Айрес / рассказ БУЭНОС-АЙРЕС

1.

Буэнос Айрес. Светает.

Мы прилетели ночью. Алматы-Амстердам-Сан Паоло-Буэнос Айрес. Приехали из аэропорта обессиленные двадцатью шестью часами перелета. Шел мелкий дождь. Перестукивания воды и времени. Журчание в трубах, щелчки капель, пощечины луж, разбрызганных проезжающими автомобилями. Гул и стрекот холодильника. Эти звуки обрамляли тишину, придавая ей выпуклость.

Небо отбеливается рассветом. Пробудились местные голуби и другие неизвестные виды птиц. Незнакомые слуху посвистывания. Густая крона по мере прояснения зеленеет, сбрасывая с себя слои тьмы. Проезжающие машины с грохотом подпрыгивают на бетонном наросте дороги, словно улица сглатывает движение постороннего предмета – подпрыгивает кадык.

Действительность обретает смысл в созерцании, дльщемся в словах. Желтый фонарь тускло сияет в воздухе и смотрится, как выпавший, потерянный золотой зуб, какие уже не использует современная медицина. Когда-то такие зубы были у папы, у соседки, жившей напротив. Она умерла от туберкулеза.

Сажу в белом, широком стуле, а ощущение, что по-прежнему лечу. Легкое головокружение. Отсутствие равновесия и чувства земли под ногами. Мы остановились в квартире-комнате. Две стеклянные двери с выходом на просторный балкон, по площади немного меньше самой комнаты. Слева от балкона высокая пальма.

Из зимы в лето, будто кто-то переключил канал. Не люблю такие прыжки в пространстве и сезонах. Не люблю телевизор. Избыточный ритм убивает мелодию. Сознание привыкает к скорости изменения пейзажа и подмене дня на ночь.

Человек путешествует, чтобы вернуться в себя. Недалеко от нашего дома есть улица Борхеса. Не читал его. Но радуется мысль,

что сяду в кафе на его улице и буду читать. Одно отражение в другом, завернутым друг в друга, подобно лепесткам в бутоне розы. Писать – это путешествие. Писать, путешествуя – плыть по течению реки с удвоенной скоростью обретения нового неизведанного места.

В двадцать пять лет утверждал следующее: «человек всю жизнь занимается одним делом – ищет себе занятие. На данный момент я его нашел. Я пишу». Прошло шесть лет. У меня появилось еще одно занятие – танцую танго. За этим мы сюда и приехали. Мысль Ницше «Говорить – это прекрасное безумие: говоря, танцует человек над всеми вещами» сбылась в обоих направлениях. Редко вспоминаю свою этническую принадлежность, но кровь меня выдает в русском почерке и в выборе увлечений. Уйгуры – народ танцующий, музыкальный, веками плачущий об отсутствии родины. Здесь я вижу точку родства. Так возникала танго-музыка – тоска эмигрантов, горечь потери, сладость изгнания, утрата прошлого и туман будущего. Впрочем, тень от вещи способна приобретать самые неожиданные формы, все зависит от яркости и угла света. Двое танцуют разлуку, но даже не личную и половую, а экзистенциальную. Разлука с человеком, с которым встретился, чтобы попрощаться, – это только верхний слой восприятия. Корень вот в чем: музыка звучит, тает вечер, жизнь проходит. Продление мгновения – вот цель пульсирующего сердца.

2.

Дни и ночи перемешались. Рестораны, кафе, такси, магазины. Песо утекают сквозь пальцы, как песок. Ветер кочует в переулках, шелестя густыми лохмотьями крон. Каждую поездку в метро или сидя в кофейне мы наталкиваемся на больных или детей, просящих милости, на людей что-то продающих, на музыкантов. Я видел уже многих замечательно поющих, играющих на гитаре. Музыка преследует повсюду. Испанская речь сливается с остальными звуками города и становится продолжением восторженной бессонницы. Местами здесь грязно и везде собачье дерьмо. Потрошители мусорных баков ходят по улицам, как цыгане, с огромными телегами. Ищут картон и бутылки. Летают

освобожденные газеты, целлофановые пакеты и прочие отбросы быта. Все это – несобранность вещей, как и самих аргентинцев, беспечность в обращении с пространством и временем – не раздражает, а говорит о непосредственности движения, о непредсказуемости поворота. словно эмигранты так и продолжают жить проездом. Дни растут по инерции.

Как правило, все прогулки сопровождаются попытками узнать деревья. В Розарио видел пузатые стволы в форме кегли. Цветущие бутылочки, переполненные плотной, тугой жизнью. Большинство зданий похожи на общежития, что подтверждает высказанное предположение. В целом к сияющим памятникам прошлого я равнодушен. Архитектура отталкивает своей законченностью. В ней нет движения, изменения, а если и есть, то оно убывающее, стремящееся к исчезновению. Однажды гуляя по каменным лабиринтам переулков, меня охватил озноб долголетия, впитанный стенами, не хватало простора, дыхания ветра. Соцветия листвы или незнакомый узор коры призывают замереть и коснуться, ощутить кожей шершавость или гладкость поверхности. Невозможно разглядеть город преднамеренно. Поэтому все туристические старания, посещение общеизвестных мест и районов бесполезны. Чувство города накатывает внезапно, как запах или воспоминание. Это уже происходило со мной несколько раз здесь. Когда мы шли на милонгу в полночь. Узкие улицы, перекрестки и лица, повторяющиеся друг в друге, и главное – напор теплого ветра и просторный шелест листвы. Возможно, это мгновение отозвалось в сердце, так как напомнило о летней ночи в Алмате. словно любое новое впечатление становится впечатлением настолько, насколько оно продолжает прошлое. Поскольку в этот миг мы чувствуем, что прошлое не оторвано от нас и не ушло безвозвратно, а длится в настоящем. Я шел и чувствовал, что существую – путешествую. Мимо проносились многолюдные кофейни. Под ногами темнели пятна и клубились комья собачьей глины. Я был настолько очарован действительностью, что испытывал сочувствие даже к этим смердящим остаткам. Будто повсюду валялись незахороненные трупы людей, переваренные беспощадной эпохой. Из-за покрытия каменных плиток они не обрели слияния с землей. То же самое можно было сказать и про усохшую листву

клена. Казалось, что хотя бы по этой причине современный город не может не являться определенным насилием над естественностью.

Когда мы ездили на известную Каминиту района Ла бока, ничто не впечатляло. Изобилие фотоаппаратов и людей, ищущих Буэнос-Айрес, увеличивали скуку до усталости. Возможно, я был чересчур истощен и потому находил в этом только привет Малевичу, росток фовизма. Подобное пиршество цветов можно встретить в любой фруктовой лавке на перекрестке. А запечатлеть что-либо картинкой, нет, это не для меня, слова – вот мои глаза. Пусть все, что вижу, забудется, чтобы вновь очаровать. Это место не могло стать памятью, наполниться зрячим присутствием. Откровение города, подобно стихотворению или танго, – интимное соприкосновение случая и ожидающего внимания. Оно не подчинится воле, нужно только ждать и быть готовым отдаться встречной волне. И оно нахлынет, как чистое опьянение, иллюзией смысла.

3.

Процесс письма запущен, невозможно его контролировать. Замкнутость камня. Невнимательность к окружающим обстоятельствам, к голосам говорящих со мной людей. Смотришь на все в перевернутый бинокль. Приходится рассеивать внимание, распределять его по всему телу, напоминая, что приехал сюда, чтобы учиться танго. Поэтому единственный выход – писать о том, что требует отвлечься от письма.

«Стихи – это танец речи» – таков был угол моего восприятия поэзии. Меня интересовала пульсация букв, судороги гласных, младенческий крик. Это и будет рамкой высказывания.

Буду вращать в голове многогранную фигуру, любясь, как свет сознания переливается в ее структуре, обретая цвета. Поскольку чтение – обоудная мизантропия, танго понижает во мне уровень снобизма и манию отчужденности. Сторониться живого человека – это страх смерти (упорное нежелание слиться со всем) или инстинкт самосохранения? Танец – нарушение обыденных границ тела, тем более социальное танго. Именно это замечаю в местных

преподавателях – поразительный доступ к собственному телу. Обнять женщину, пощупать ее заднюю часть бедра или область живота совершенно нормально, как и встать в пару с преподавателем-мужчиной и делать с ним то же самое. Чтобы хорошо танцевать, нужно познать тело. К своему относишься, как к чужому, и наоборот. Одно становится частью другого.

Танцующий стремится в абсолютное мгновение, когда тело перестает быть формой и отождествляется с душой. Несколько дней назад наблюдал подобное, не моргая, затаив дыхание. Они пылали в огне собственной молодости. Зрелище шокирующее, как самосожжение тибетских монахов.

Равновесие строки подобно балансу в танго. С одной стороны стремишься навстречу внезапной близости, в перетекающие шаги слов, музыка подхватывает и хочется броситься дальше. Но немота держит со спины, чтобы не упасть и не начать плясать. Погружаешься в воду и выныриваешь, а потом вновь вниз, вырастая из себя. Уходишь в почву корнями, обретая прочность момента. Чем больший размах мысли собираешься совершить, тем пристальнее ожидание и тем глубже погружение в центр молчания. Чем динамичнее хочешь двигаться, тем плотнее границы сферы. Точность и легкость перемещения – следствия осознанности движения. Познаешь вещи – упругость мяча, стойкость ствола, гибкость ткани – но не через язык, а телом – эквивалентом присутствия.

4.

Воскресенье. Июль. В Буэнос-Айресе зима. Это уже второй приезд. Прошло десять дней. Многолюдно и прохладно, но воздух по-осеннему приветлив. Помню, как ночной город лежал в зрачке иллюминатора опавшей листвой, сиял огненными микросхемами.

Несколько месяцев я каждодневно метался от дома к дому, теряя внутреннее равновесие, мечтая об отдаленном месте, где буду только читать и танцевать. Два глагола, удовлетворяющие обе жажды: неподвижности и действия. И вот я здесь. Но дни летят стремительнее ласточек. Движение накрыло такой оглушительной волной, что выбраться из ее воронки не удастся. Время моргает

– хочу его остановить.

Сегодня мы гуляли по кладбищу Реколета. Узкие каменные коридоры хранили тяжелый покой. Только дневной свет, легкие тени и несколько хвойных крон нарушали шершавое оцепенение стен. Так идешь сквозь темно-серые будни зимы, когда снег, смешавшись с пылью, дышит отовсюду мрачно и холодно. Мелькающие лица живых прохожих с фотокамерами снова пробудили мысль «почему не люблю фотографировать». Это объясняется потребностью взять малое – только то, что сознание способно уместить.

Неожиданный просвет голубой стены. Крюк фонаря. Мертвые переулки. Радуга, замурованная в стекло. словно мы плутали по огромной библиотеке с толстыми неподъемными книгами, которые уже никто не прочтет. Между страниц таились редкие, высохшие цветки – плоские бутоны паутин. Местами трава пробивалась сквозь камни, маленькие ростки забвения, жаждущие жить и не помнить. В целом, идея такого покоя, мне чужда. Человек скопировал свою обыденную жизнь: дом – склеп, кровать – гроб, улочки, трафик пешеходов. Упрямая жажда жить.

Вышли на площадь. Дул холодный ветер. Грело прямое солнце. Резвились дружелюбные собаки. Женщина, стоявшая под огромной, многоствольной кроной, пела прекрасную, уже знакомую слуху песню «Малена». Эта песня постоянно звучит в голове. Мощные ветви, вытягивающиеся во все стороны, поддерживались подпорками. Основание дерева являло взгляду таинственное и шокирующее переплетение тканей. В контрасте с прогулкой по кладбищу вид действовал с большей силой. Такое необъятное дерево, непримиримое упорство расти по соседству с кладбищем. Я подумал, что возможно его корни где-то под землей дотягиваются до гробов и пьют остатки разлагающихся тел.

Пришел гитарист с войлочными дредами на голове. Выкурил сигарету, сел на соседнюю скамейку, закрыл глаза, устремив лицо к солнцу, и заиграл. Мягкая, плавная музыка заглушила женский голос. Мы успели поесть сочное мясо и вернуться. Парень продолжал играть, пальцы отделились от него и энергично изгибались. Поодаль десятки людей сидели на зеленом склоне, слушая другого певца.

Под влиянием всесторонней музыки накатило то редкое, долгожданное очарование. Я оглянулся, словно прощаясь, как оглядывается уходящий. Поющий Буэнос-Айрес разливался закатной истомой. Город, где все случается завтра, но ничего не происходит раньше, чем неожиданность.

5.

Открыть новый лист и окунуться в его белизну. Прекрасно сияние нетронутости. Сплошной свет стоит стеной, возвращая мысль в первичное забвение.

Сосредотачиваться на объекте – избирательная слепота. Так происходит в танце, когда фокусируешь внимание не на собственном движении, а на его следствии. Растворяешься в перемещении, в непрерывном продолжении, контролируя каждый вдох молчания, чувствуя вес накопленного слова. Сила, растущая из вкрадчивых стоп, порожденная притяжением земли, перетекает от шага к шагу. Легкость воздуха, пустого и прозрачного, но имеющего напор встречного ветра. Только в это мгновение тело становится абсолютной оболочкой сознания, ощущающего все свои границы.

Город – закостеневший воздух. Заплаканные стены заглядывают в окна. Бамбуковые ветви с длинными трубчатыми фалангами.

Витиеватые ветви. Тусклая бронзовая вода стрелки байдарок. Стеклянные здания блестят как чешуя рыбы.

Над Буэнос-Айресом плывут облака – низко и стремительно. День гаснет. Комната наполняется ледяной музыкой, заставляет застыть. Тянутся длинные звуки, гибкие и долгие, как песчаные холмы, нагретые жаром солнца. Тени и отражения становятся более выпуклыми, чем предметы, порождающие их.

Тысячи людей проходят мимо. Автобусы учат ожиданию. В отсутствии не наступившего кроется смысл жизни.

Ночь. Мы целуем спящих, потому что покинуты ими.

6.

Четыре часа утра. Февраль. Лето. Неудача – повод для письма. Духота не дает спать. Третий раз за последние два дня в нашем

районе отключают электричество. Периодически это происходит в некоторых районах. Вместе со светом воду.

Эта ночь дает новое представление о Буэнос-Айресе. Я знал, что иллюзии рассеются. Подобное откровение происходит с женщиной, когда за талантами певца приходится столкнуться с инфантильностью мужчины. Женщине всегда приходится выбирать. Целого не бывает. Много раз сам становился мишенью такого разочарования. Человек, страдающий избыточной рефлексией. Там, где нужно действовать, а не рассуждать или кричать, хватаюсь за словарь, поименно называя все недостатки действительности, придавая им неопровержимую выпуклость. В этом странном, недостойном поведении вижу свое предназначение. Дело пишущего не менять реальность, а существовать вопреки ей. Все это по одной затылочной причине: есть надежда, что тень длится дольше объекта и первичного света.

Собачий лай нарушает затишье улочки. Проходит хор пьяных. Писк комара липнет к вспотевшему лицу. «Люди здесь инертные» – говорит местный наблюдатель. Дрожит пение сверчков. Застывшая тьма крон. Самолет огоньком промелькнул в угасающем небе, как окурок, брошенный вверх. Холм лени длится вдоль взгляда, не достигая высоты.

Это не моя местность. Представляю снежные горы, окрашенные закатом, словно куски мяса с белыми наростами жира.

7.

Стиральная машинка ритмично перекачивает звук, как рот играющий на диджериду. Мы танцуем танго под это колесообразное накатывание потока.

Блокнот дня раскрыт – названия ночных улиц, бессонницы цифр.

По скайпу мама рыбачит в экране. Поплавок головы вздрагивает на поверхности сна, не боясь будущего. Я уехал на диаметрально отдаленную сторону земли в попытке затормозить жизнь хотя бы на девять часов.

Это пик молодости, начало конца, опьянение силой тела и цельностью воли.

Время легкое, словно пивная пена. Стоит подуть, оно

рассеивается, оставляя слабый привкус горечи, блаженное головокружение, расфокусированный взгляд.

Я не томлюсь жаждой быть везде, расплыться, исчезнуть. Важнее поймать поток движения союзницы и перенаправить его, как парусник, стать источником ветра. Это мой танец. Тело нащупывает границы высказывания и гибкости, перекачивает вес по гладкой поверхности ночи. Воображение пылает и не важно, каким веществом оно кормится – словом, шагом или дыханием. Невозможно остановиться. Скользить, словно скольжение – наилучшая форма речи. Волнистые волосы строк, которые растут вопреки всему, даже на мертвом теле. Трава, пробивающаяся сквозь камень рассудка. Голос, обросший плотью. Поддаваясь кровообращению музыки, ловлю горячие дуновения. Пузырится минеральная вода, пролитая мимо стакана.

Холодный кофе со льдом, нарост мяса, приправленный черными звездами перца и тягучее, сочное манго – все уходит внутрь, чтобы питать движение. Этот город – сад стен, на которых пылают бутоны рукописей. Собака в поисках хозяина заходит туда, где ей не место. Здесь все животное становится человеческим, а все человеческое – животным. Синее небо открывает лицу способность цветка уставиться навстречу лучу. Это не холодное следование, а случайное перетекание. Без попытки охватить мысль и упаковать ее в кирпич. Это возможность виться, кривить и вязнуть. Так учат ветви, расплавленные на солнце.

Есть еще время падать в безумие, гореть горой и вращаться солнцем.

8.

Воронка милонг засасывает. После головокружительных ночей, взбудораженных чувственным любопытством, тишина быта предстает незаменимым благом. Я сходил в живописную лавочку, купил дикие фрукты и обтекаемые овощи, помыл посуду и бесконечно доволен. Вспоминаю момент. Захожу в кухню дома, сгоревшего в огне времени. Мой семидесятивосьмилетний дедушка чистит газовую плиту и говорит: «Мужчина должен все уметь».

Фрагменты наблюдений сливаются в единый поток вспышек. День начинается с любования. Первое, что вижу – дерево, спящее на ветру. Листва тянется на балкон. Растение – путешествие в воздух.

В ботаническом парке бабочки, стрекозы, колибри неуловимы в полете. Паутина высохшего пня расползается от сердцевины нитями трещин, подобно пробитому стеклу. Равнодушие ходьбы избавляет от иллюзий. Я застыл перед статуей. Окаменевший жест скульптуры открывается истуканам. Чем пристальнее смотрел на мертвые складки кожи, на оцепенение пальцев, волос, живота, тем пронзительнее ощущал скоротечность жизни. Схожий ужас отсутствия навевала японская хижина – исступление абсолютной пустоты.

Пассажир в автобусе слушает рэп и беззвучно хлопает губами, как рыба. Женщина пишет сообщение в телефон. Вместо точечного печатания букв она выводит синие линии – молнии мыслей автоматически заменяются необходимыми словами. Разговор, ставший системой знаков, преобразовался в графику слов. Так доисторические люди оставляли сообщения в виде рисунков и вслух высказывали только мятеж и пение. Я задумался, и мы проехали остановку.

Люди здесь прямые, открытые и зачастую односторонние, как сами улицы. Дома со ступенчатыми стенами видом и расположением напоминают корабли в детской игре «морской бой». Тетрис опустившихся на землю зданий. Вид сверху – кроссворд с ячейками крыш.

Танго об истоме – смесь неистовства, томления и блаженства. Битва, в которой сила не разрушает, а творит. Тело, словно расплавленное железо. Вязкая жидкость способная иметь высокую плотность. Состояние, в котором возможны пассивная сила и активная слабость. Действие невозможно без противодействия. Всё уравновешено своей противоположностью.

Я сидел на милонге и не мог пригласить одну девушку. Сказал себе, что пока не потанцую с ней, не буду приглашать других. Не то чтобы сильно старался. Упорство вовне – чуждый для меня путь. К тому же назойливость – свойство скучных собеседников или плохих танцоров. Так и просидел пару часов в

сосредоточенном ожидании, наблюдая за глубоким дыханием шагов. В тот миг что-то случилось. Почувствовал, что не хочу двигаться и уже танцую. Сердце танго пульсировало. Я любовался его ритмом со стороны. Слух всецело поглощал музыку. В голове рождалось смутное представление. Наравне с тем, что письменная речь – инерция молчания, танец – форма слуха, продолжение осмысленного ожидания.

Об авторе: ЗАИР АСИМ

Родился в Алма-Ате. Окончил механико-математический факультет КазНУ им. Аль-Фараби. Преподает математику в учебном центре. Пишет стихи и прозу. Публиковался в журналах «Знамя», «Новая Юность», «Дружба народов», «Волга» и др. Автор книги стихотворений «Осиротевший крик сирени» (Алматы, 2010, издательство Искандер), книги прозы «Письма в никуда» (Алматы, 2013, издательство Эдит). Некауага